

Образ врага в римской литературе эпохи принципата *

Е. Г. Маргарян

РОССИЙСКО-АРМЯНСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АНА, ЕРЕВАН

Аннотация. Образ врага в официальной римской системе ценностей имел много модальностей. Внутренний враг всегда представлялся опаснее внешнего. Основным внутренним врагом были чужаки, инородцы, разлагающие ценностные основы римского общества и государства. Особенно тлетворными считались восточные эллинистические ценности, привнесенные с периферии в само сердце империи и разъедающие души знати и доверчивой наивной молодежи. Главную задачу первый принцепс и его ближайшее окружение видели в противостоянии тлетворному влиянию эллинизма и возрождению исконных римских доблестей.

Ключевые слова: принципат, римская литература, сотворение врага, враг внешний и внутренний, разлагающее влияние восточных ценностей.

---

* Исследование выполнено за счет совместного гранта в области армяно-российского гуманитарного научного сотрудничества «АНГК-РГНФ – 2014» (проект 13RF-012). Партнер: кафедра истории Древнего мира и Средних веков Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Срок исполнения: 2014–2015. Тема исследования: «Цивилизационные и кросс-культурные аспекты формирования римского мира в период перехода от республики к принципату».

Маргарян Е. Г. Образ врага в римской литературе эпохи принципата // Критика и семиотика. 2015. № 2. С. 367–383.

ISSN 2307-1737. Критика и семиотика. 2015. № 2
© Е. Г. Маргарян, 2015

УДК 82:1

Контактная информация: Маргарян Ерванд Грантович, доктор филологических наук, профессор Российско-Армянского (Славянского) университета (ул. Овсепя Эмина, 123, Ереван, Республика Армения, erv.margare@gmail.com; margar.erv@mail.ru)

Историю пишут победители...
Артур Дрекслер

Современный этап развития гуманитарных наук отмечен особым интересом к аксиологии, так как ценностное измерение является основой социокультурного самосознания и самоконтроля. В этой связи правомерен интерес к аксиологии переходного периода от Поздней республики к Раннему принципату с характерными для этой эпохи идеологическими инструментами, ускорявшими или замедлявшими процесс перехода Рима к новым социокультурным формам, менявшим этические и эстетические идеалы римлян, саму структуру их бытия. Особую роль в римской системе ценностей рассматриваемого периода играет образ врага – внешнего и внутреннего. Образ врага был и остается одним из ключевых во всех культурах. «Иметь врага, – отмечает Умберто Эко, – важно не только для определения собственной идентичности. Но и еще для того, чтобы был повод испытать нашу систему ценностей и продемонстрировать их окружающим. Так что, когда врага нет, его следует сотворить... Враги – другие, не такие, как мы, и их обычаи – не такие, как наши... С самых давних пор врагов творили не столько из тех чужаков, которые действительно несут нам непосредственную угрозу, сколько из тех, кого выгодно кому-то представить таковыми, хотя впрямую они не угрожают, так что не столько исходящая от них угроза заставляет увидеть их отличие от нас, сколько само отличие делается угрожающим» [Эко, 2014, с 13]. Образ врага в официальной римской системе ценностей имел много модальностей, выявлению некоторых из них посвящается данная статья.

Со II века до Р.Х. римский социум подвергался интенсивной эллинизации, а в первой половине I века до Р.Х. Рим, особенно его элита, попали под сильное влияние эллинистического Востока. Придя как завоеватели на эллинистический Восток, Сулла, Помпей, Цезарь, Антоний и др., вскоре сами оказались завоеваны им. Эллинистический Восток покорял невиданными для римлян великолепием и богатством¹, древней мудростью и сме-

¹ Не будем забывать, что укоренившийся в нашем сознании образ Рима возник в эпоху принципата. Своим великолепием Рим обязан Августу, Тиберию, Калигуле, Нерону (сжегшему старый Рим и отстроившему его по единому плану), Флавиям и Траяну и др. (см.: [Гиро, 1995; Ермаков, 2005]).

лыми новаторскими идеями. В то же время инициативные и энергичные жители со всего необъятного эллинистического мира устремились в Рим – новую столицу мира. Они проникли во все поры римского социума, прониклись им и пропитали духом эллинизма практически все сферы бытия империи.

Ювенал горько сетует по этому поводу:

«Переносить не могу я, квиниты,
Греческий Рим! Пусть слой невелик осевших ахейцев,
Но ведь давно уж Оронт сирийский стал Тибра притоком,
Внес свой обычай, язык, самбуку с косыми струнами (Юв., III, 60–63) ²,
... Ум их проворен, отчаянна дерзость, а быстрая речь их,
Как у Исея, течет (Юв., III, 73–74).
... С ними никак не сравнимся мы...
... Римлянам места нет, где уже воцарился какой-то
Иль Протоген, иль Дефил, иль Гермарх...
Беглый с Понтинских болот, из сосновых лесов галлинарских,
Где, безопасность блюда, охрану военную ставят...» (Юв., III, 120–123).

Эллинизм изменил облик Рима, изменилось мироощущение римлян, традиционная иерархия ценностей. Однако ориентализация и эллинизация Рима далеко не всеми воспринимались однозначно. Большая часть римской политической элиты не была готова к восприятию этих идей и большинства цивилизационных наработок эллинистической цивилизации. Риму предстояло пройти долгий путь от их осмысления до полной или частичной ассимиляции. Особенно негативно к восточному эллинизму относилась оптиматская верхушка римского общества, призывавшая к реставрации старых порядков и возврату к традиционным римским ценностям. Оптиматы видели в ориентализации прямую угрозу силе и величию Рима, стремились выставить всевозможные заслоны на пути проникновения эллинистических ценностей и иных, по образному выражению Катона, «гнусных» новшеств (*nova flagitia*).

Октавиан умело использовал оптиматскую аксиологию в политической борьбе против Антония и последней царицы из рода Птолемеев – Клеопатры ³. Однако, одержав вверх над своими политическими оппонентами,

---

² Здесь и далее ссылки на Третью сатиру Ювенала даны в круглых скобках по изд.: [Хрестоматия..., 1965].

³ Характерно, что в начале своей политической карьеры Октавиан вместе с Антонием выступали единым лагерем с популистских позиций. Но, отомстив республиканцам за убийство Цезаря (было уничтожено 300 сенаторов и 2 000 всадников), и особенно в период обострившейся борьбы с Антонием, Октавиан поменял свою политическую ориентацию, выступив поборником старых добрых порядков. По-

Октавиан Август не отказался от принесшей ему значительные политические дивиденды антиэллинистической риторики и продолжил выступать поборником традиционных римских *virtutes*, радетелем старины, охранителем культа исконных римских богов и пенатов. Им была выработана идеологическая доктрина, основным проводником которой, как известно, стал Гай Цильний Меценат. Этот разбогатевший на проскрипциях всадник из древнего этрусского рода возглавил своего рода идеологический центр, призванный продемонстрировать приверженность Августа к *res publica* и староримским добродетелям, в отличие от Антония, стремившегося превратить Рим в монархию эллинистического типа.

Это нашло отражение в изобразительном искусстве, архитектуре и особенно в литературе, прежде всего в поэзии. Большинство произведений августовской эпохи было построено по жесткой схеме бинарной оппозиции восточного эллинистического космополиса и исконных римских ценностей. Суете большого города августовская идеологическая доктрина противопоставляла тишину и размеренный ритм сельской жизни, роскоши – строгую умеренность, праздности и абсентеизму противопоставлялся *negotium* – деятельный образ жизни подлинного республиканца [Межеричкий, 1988, с. 41–68; Доманина, 2012], тяга к роскоши и разврату находилась в оппозиции к самодисциплине, закаленной тяготами и лишениями походной жизни, восточным мистическим культам противопоставлялись патриархальные римские боги и рациональная римская религия, изощренной образованности эллинистических интеллектуалов – коллективная мудрость римских сенаторов.

Так, в «Энеиде» родоначальник римского народа – Эней, сын Венеры и Анхиса, и его сын Асканий-Юл, от которых, согласно традиции, вели свое происхождение Юлий и сам Август Цезарь, представлены как нетленные образцы для подражания. «Эней, благочестием славный и мужеством» (Verg., *Aeneid.*, I, 9)⁴, чтит древних богов и заветы предков, во время гибели Трои он на плечах из пылающего города вынес не золото или иные материальные ценности, а своего престарелого отца. Таким образом, Эней представлен воплощением староримских добродетелей, образцом для подражания. Он тщательно соблюдает религиозные обряды, исполняет данные богам обеты (Ibid., I, 220; X, 591; XII, 175; XII, 311). Он

добная политическая беспринципность была не внове для данной эпохи, соперничество между оптиматами и популярями давно переросло в противоборство между личностями, стремившимися к единоличной власти. Так, лидеры оптиматов Гней Помпей и Марк Лициний Красс в 70 г. до Р.Х. в связи с изменившейся политической конъюнктурой переметнулись в стан популярей и, будучи избраны консулами, провели ряд антисулланских законопроектов. Но после возвышения Юлия Цезаря Помпей вновь занял сторону Сената.

⁴ Здесь и далее ссылки на «Энеиду» Вергилия даются в круглых скобках по изд.: [Вергилий, 1994].

отвергает любовь Дидоны, царицы Карфагена, в будущем смертельного врага Рима, и спешит в Италию, где, покорный воле богов, он для наследников Юла, т. е. Юлия Цезаря и Августа, заложит основы могущественного государства. Здесь у читателя неизбежно должны были возникнуть аллюзии с предосудительным, с точки зрения традиционного римского *virtus*⁵, поведением Антония [Шифман, 1990, с. 153], который, презрев заветы пращуров, поддался соблазну и, ослепленный внешним блеском и утонченной роскошью эллинистической Александрии, предал родные пенаты и отвернулся от своего отечества. За это он был наказан богами и людьми. Поддерживающие Антония и Клеопатру восточные боги оказались бессильны против могущественных римских богов.

Взгляды Вергилия во многом провиденциалистские. В этом мире нет ничего случайного. Все заранее предрешено, а могущество и величие Рима является конечной целью этой божественной программы. Предрешена и гибель Трои, чья «слава», по замыслу провидения, должна была через Энея переместиться далеко на запад, в самое сердце Средиземноморья – вечный город Рим. Эней же, согласно формулировке Вергилия, лишь «благочестивый муж» (*Ibid.*, VI, 403; V, 783; I, 544 – 545), которого боги избрали своим орудием, им водит божественная десница. В то же время любое неподчинение божественной воле, отклонение от начертанного пути – есть мерзкое богоборчество. Именно таким богоборчеством представляется Вергилию борьба Антония за единоличную власть, его желание подчинить Рим коварной египетской эллинистической монархии. Клеопатра воплощает собой хаос, за ней стоят злобные и мстительные хтонические божеества, с помощью которых она овладела разумом и силой беспечного Антония.

Согласно Вергилию, для Октавиана Августа война с Антонием – это не борьба за единоличную власть: власть лишь инструмент, с помощью которого божественный Август должен исполнить свою мессианскую роль – спасти Римский мир, вернуть события на круги своя. Август – спаситель Рима и восстановитель космоса, чье пришествие предрешено задолго до его рождения. По этому поводу в «Энеиде» читаем:

«Вот Цезарь и Юла потомки:

Им суждено вознестись к средоточью великого неба.

Вот он, тот муж, о котором тебе возвещали так часто:

Август Цезарь, отцом божественным вскормленный, снова

Век вернет золотой на Латинские пашни, где древле

Сам Сатурн был царем, и пределы державы продвинет,

---

⁵ В данном контексте *virtus* следует понимать не в узком смысле этого слова («мужество, доблесть»), а как сумму всех требуемых качеств, всеобъемлющим выражением достойного поведения каждого римлянина в рамках римской гражданской общины.

Индов край покорив и страну гарамантов, в те земли,
 Где не увидишь светил, меж которыми движется солнце,
 Где небодержец Атлант вращает свод многозвездный.
 Ныне уже прорицанья богов о нем возвещают,
 Край Меотийских болот и Каспийские царства пугая,
 Трепетным страхом смутив семиструйные нильские устья» (Ibid., VIII, 790–800).

Как видим, Август в поэме Вергилия представлен архетипическим героем, победившим хаос и установившим высшую гармонию. Его победа у мыса Акции была неизбежна и закономерна, так же как и поражение Антония, ибо так предопределено богами. Изображение этой битвы, задолго до ее начала, было выковано на щите Энея самим Вулканом-Гефестом.

«...Актийскую битву
 Выковал бог на щите; кипели Марсовы рати,
 Всю Левкату заняв, и плескались валы золотые.
 Цезарь Август ведет на врага италийское войско,
 Римский народ, и отцов, и великих богов, и пенатов;
 680 Вот он, ликуя, стоит на высокой корме, и двойное
 Пламя объемлет чело, звездой осененное отчей...
 685 Варварской мощью силен и оружием пестрым Антоний,
 Берега алой Зари и далеких племен победитель:
 В битву привел он Египет, Восток и от края вселенной
 Бактров; с ним приплыла – о нечестье! – жена-египтянка.
 В бой устремились враги, и, носами трехзубыми взрыта...
 Войску знак подает царица египетским систром
 И за спиной у себя не видит змей ядовитых.
 Чудища-боги идут и псоглавый Анупис с оружием
 Против Нептуна на бой и Венеры, против Минервы.
 700 В гуще сражения Марс, из железа кован, ярится,
 Мрачные Диры парят над бойцами в эфире высоком,
 В рваной одежде своей, ликуя, Распря блуждает,
 Ходит следом за ней с бичом кровавым Беллона.
 Сверху взирая на бой, Аполлон Актийский сгибает
 705 Лук свой, и в страхе пред ним обращается в бегство Египет,
 Следом инды бегут и арабы из Савского царства.
 Вот и царица сама призывает попутные ветры,
 Все паруса распустишь и ослабить снасти готова.
 Как побледнела она среди сечи в предчувствии смерти,
 710 Как уносили ее дуновенья япигского ветра, –
 Выковал все огнемощный кузнец. А напротив горюет
 Нил: одежды свои на груди распахнул он широкой,

Кличет сынов побежденных к себе на лазурное лоно» (Ibid., VIII, 671–713).

И вновь все построено по принципу теза-антитеза. На стороне Октавиана сражаются сребролукий Аполлон, Минерва, Нептун, Венера и Марс, за Антонием идут чудища-боги и псоглавый Анубис. Антоний вывел в бой бесчисленные полчища восточных варваров, символизирующих загробный мир⁶, – темнокожих египтян, индийцев, арабов из Савского царства, бактрийцев и пр., в то время как за Октавиана сражается лишь, как он сам утверждал, всеиталийское ополчение (RgdA, 25, 2). Запад и Восток столкнулись в решающей схватке. При этом, как явствует из поэмы Вергилия, Рим воплощает собой мужское, разумное, созидательное, рациональное начало, Восток – женское, хтоническое, деструктивное. Октавиан полагается на мужество и умение римских солдат, мудрость и опыт своих полководцев и, конечно, на благосклонность отеческих богов, прежде всего богов-олимпийцев, связанных с высшими сферами. Из них Аполлон олицетворяет высшую гармонию. Рожденная из головы Юпитера-Зевса дочь Метиды Минерва-Афина воплощает рациональное начало, храбрость, чистоту и целомудрие, Венера – любовь и красоту, она прародительница рода Юлиев, а ее возлюбленный Марс – покровитель Рима. Сам морской бог – Нептун сражается на стороне Августа и римлян, ведь отныне Средиземному морю суждено стать «внутренним Римским озером».

Подобно Медее, Клеопатра – ведьма, она ищет покровительства у враждебных олимпийцам древних хтонических божеств. Благодаря им она управляет ветрами, ее образ связан со змеями, которые после поражения помогут ей бежать от Октавиана-Августа и позора быть выставленной на потеху римской толпе во время триумфального шествия молодого императора⁷. На хтонизм образа Клеопатры указывает и присутствие в ее войске шакалового Анубиса⁸, сына Сета. Собаки и шакалы, как известно, символизируют загробный мир, а сам Анубис у древних египтян был проводником умерших в загробный мир. В Древнем царстве это боже-

⁶ В связи с этим О. Фрейденберг пишет: «Люди вне племени... представляются потом дьяволами, чертями (античное понятие 'варвара' – чужеземца, лингвистически означающего 'жителя преисподней')» [1998, с. 37].

⁷ Еще одна параллель с Медеей, которая скрылась из Коринфа на посланной ее матерью Гекатой колеснице, запряженной двумя змеями. Сама Геката – хтоническая богиня, дочь отравленного ею Перса, сестра и жена колхидского царя Ээта, царица Тавриды, позднее – богиня преисподней, покровительница ведьм и отравительниц.

⁸ Анубис изображался в образе шакала или дикой собаки Саб; иногда в виде человека с головой шакала или собаки. Центром культа этого бога являлась столица XVII верхнеегипетского нома г. Кинополь.

ство считалось покровителем некрополей и кладбищ, одним из судей царства мертвых, хранителем ядов и лекарств.

После победы над Антонием и Клеопатрой благочестивый Август в знак благодарности за победу над врагами воздает почести отеческим богам:

«...с триумфом тройным вступивший в стены столицы,
Цезарь исполнить спешит свой обет богам италийским,
Триста по Риму всему освящая храмов огромных» (Ibid., VIII, 715–716).

Восседа у храма Аполлона, он принимает поздравления от ликующих римлян. Сюда же к нему на поклон пришли посланники побежденных народов. Среди покоренных персонифицированные образы тех или иных народов, связанных не с этнонимами, а преимущественно с гидронимами:

«...тут и Евфрат, укротивший бурные воды,
Рейн двурогий. Аракс, над собой мостов не терпящий» (Ibid., VIII, 726–727).

Вряд ли это обычная поэтическая аллегория, столь характерная для ассоциативно-семантических полей любого древнего словесного творчества. Вероятно, нежелание поэта называть страны своими именами также имело политический контекст и, кроме всего прочего, объясняется еще и тем, что римляне рассматривали эти земли как римский *locus*, отныне принадлежащий им, а не проживавшим там от века народам. Кроме того, реки Евфрат, Аракс и Рейн римляне считали естественными границами своего мира. По ту сторону этих рек начинался варварский мир, символизирувавший хаос и деструктивное начало.

В схожей манере и не менее восторженно восстановление Римского мира и римских порядков во всей ойкумене описывает Гораций:

«Друг Валгий, верь мне, – в дальней Армении
Недвижен лед иль рощи дубовые
Гаргана стонут от Борея,
Ясени ж наши листву теряют...
Уйми же слезы, брось свои жалобы!
Не лучше ль спеть про новые Августа
Трофеи славные, поведав
20 О неприступных Нифата высях
И о реке, что в Мидии вольною
Не будет больше, вместе с подвластными

Отныне Риму племенами,
И о лишенных простора скифах» (Ibid., II, 9) ⁹.

Враг повсеместно повержен и посрамлен, повсюду установлен Римский мир, отныне задача Цезаря сохранять порядок и гармонию, подавлять рецидивы хаоса.

Однако официальная доктрина Цезаря Августа была многоплановой и многовекторной. Август позиционировал себя реставратором и консерватором старых добрых порядков, поэтому в заказанной кружку Мecenата идеологической схеме детальная разработка темпоральной проблемы имела столь же важное значение, как и проблема религиозная. Всякие изменения в социокультурной парадигме Римского мира Август, следуя оптиматской традиции ¹⁰, решительно отвергал как зловредные и неприемлемые. Все лучшее, с точки зрения Августа и возвращенных Мecenатом бойцов идеологического фронта, осталось в прошлом, либо, в лучшем случае, было унаследовано римлянами из прошлого, а всякие изменения – «от лукавого» [Назаретян, 2004].

Так, у Горация в финале написанной в 28 году 6-й оды «римского цикла» читаем:

«Чего не портит пагубный бег времен?
Отцы, что были хуже, чем деды, – нас
Негодней вырастили; наше
Будет потомство еще порочней»
(III.VI. К римлянам. Пер. Н. С. Гинцбурга).

Посему всякий, кто пытается реформировать римское общество изнутри, внести какие-либо изменения в шкалу ценностей, – внутренний враг. Он опаснее врага внешнего, выступающего открыто, с оружием в руках. Он опаснее врага внешнего, выступающего открыто, с оружием в руках. Во второй речи против Луция Сергия Катилины на форуме 9 ноября 63 г. до Р.Х. Цицерон с гордостью заявляет: «Ведь нет народа, которого бы мы страшились, нет царя, который бы мог объявить войну римскому народу; за рубежом, на суше и на море, все умиротворено мужеством одного человека; остается междоусобная война, внутри государства строятся козни,

---

⁹ Пер. А. П. Семенова-Тян-Шанского. Здесь и далее цит. по: [Квинт Гораций Флакк, 1993].

¹⁰ «Так как случай напомнил мне о нравах гражданской общины, то самый предмет, мне кажется, заставляет вернуться назад и вкратце рассмотреть установления наших предков во времена мира и войны: как они правили государством и сколь великим оставили его нам; как оно, постепенно изменяясь, из прекраснейшего <и наилучшего> стало сквернейшим и опозорившимся» (Sall., Cat. 5. 9). Здесь и далее: [Записки Юлия Цезаря..., 1999].

изнутри нам грозит опасность, внутри находится враг» (V, 11)¹¹. Таким образом, согласно Цицерону, враг внутренний куда опаснее внешнего. Он появился не вдруг и не есть порождение самого римского социума, который уже по определению не может продуцировать ничего дурного. Внутренние враги Рима – порождение тлетворного восточного эллинистического влияния.

В одной из сатир Ювенала этот безликий внутренний враг обретает вполне реальный облик – это хитрый и плутоватый «гречонок», по образному выражению Умберто Эко, бесстыдный и похотливый, способный даже бабушку друга завалить в кровать¹². По мнению Ювенала, греки правят бал в Риме:

«Стоит лишь греку вложить в легковерное ухо патрона
Малую долю отрав, естественных этой породе, –
Гонят с порога меня, и забыты были услуги» (Сатира III, 123–124).

Не менее противны поэту вездесущие евреи – осквернители древних римских святынь:

«Здесь, где Нума бывал по ночам в общенье с подругой,
Ныне и роща святого ключа сдана иудеям,
И алтари: вся утварь у них – корзина да сено» (III, 12–14).

¹¹ Здесь и далее: [Марк Туллий Цицерон, 1962].

Другой ненавистник Катилины – Саллюстий, также не мог скрыть своего восхищения грозным врагом республики: «Только тогда, когда битва завершилась, и можно было увидеть, как велики были отвага и мужество в войске Катилины. <...> Самого Катилину нашли далеко от его солдат, среди вражеских тел. Он еще дышал, и его лицо сохраняло печать той же неукротимости духа, какой он отличался при жизни» (Sall., Cat. 61. 1, 4). Катилине не повезло, победи он в борьбе за власть, его имя сейчас было бы символом величия и могущества Рима, зато вряд ли хоть один из наших современников знал бы имя Юлия Цезаря и тем более его пасынка Октавиана.

¹² Неприязнь римских радетелей старины и чистоты нравов иногда принимала совершенно абсурдные формы. Так, Катон полностью отвергал достижения греческой медицины [Грабарь-Пассек, 1959, с. 142]. По его мнению, врачи-греки давали клятву вредить всем не-грекам и даже убивать их вместо лечения (Plin. N. H. XXIX, 7 (14–15)). В трактате «О земледелии» Катон записал несколько рецептов из римской народной медицины. Это были лекарства для людей и животных, магические заговоры и рекомендации по исполнению жертвоприношений для скорейшего выздоровления. Известно, что Катон даже организовал своеобразную домашнюю «больницу» для людей и скота, где лечение проводилось по его рецептам и рекомендациям. По этому поводу Плутарх язвительно заметил, что первая жена и старший сын Катона, на которых он применял свои методы лечения, умерли раньше него (Plut., Cat. Mai. 23–24). См. также: [Бобровникова, 2009, с. 287–288].

Именно чужаки развращают римлян, подрывают духовные скрепы общества. В подобной обстановке появление безусловно одаренных, харизматичных¹³ и целенаправленных, но вместе с тем беспринципных и эгоцентричных личностей, стремящихся ускорить падение прежних нравов, становится естественным и прогнозируемым. Одним из таких ярких и энергичных деятелей переходной эпохи стал Катилина, выходец из древней и славной патрицианской семьи Сергиев. Ненавидящий его Цицерон, тем не менее, характеризует его как человека, привыкшего: «...переносить холод, голод и жажду и не спать по ночам, и именно за эти качества весь этот сброд превозносил его как храбреца, между тем он тратил силы своего тела и духа на разврат и преступления» (Cic., *Ibid.* V, 9).

По мнению Цицерона, Катилина есть порождение развратной среды, пренебрегающей добрыми нравами (*boni mores*). В той же речи против Катилины Цицерон так живописует друзей Катилины и атмосферу, сформировавшую мировоззрение главного заговорщика и его приспешников: «Возлежа на пирушках, они, обняв бесстыдно женщин, украсившись венками, умастившись благовониями, ослабев от разврата, грозят истребить честных людей и поджечь города. <...> это – самые близкие Катилине люди, его избранники, более того, его любимцы и наперсники; вы видите их, тщательно причесанных, вылощенных, либо безбородых, либо с холеными бородками, в туниках с рукавами и до пят¹⁴, закутанных в целые паруса, вместо тог. <...> Эти изящные и изнеженные мальчики обучены не только любить и удовлетворять любовные страсти, плясать и петь, но и кинжалы

---

¹³ Описывая Катилину, Саллюстий отмечает: «Его неумный дух всегда стремился к чему-то чрезмерному, невероятному, исключительному» (Sall., *Cat.* 5, 6). Цицерон с прискорбием отмечает необыкновенную способность завоевывать сердца людей: «...кто когда-либо обладал такой способностью завлекать юношей, какой обладает он?» (Cic., *Ibid.* IV, 8). После гибели Катилины Цицерон стал более открыто высказываться о выдающихся особенностях Катилины: «Целий присоединился к Катилине после того, как уже несколько лет бывал на Форуме... Ведь Катилина, как вы, мне думается помните, обладал очень многими, если и не выраженными, то все же намеченными признаками величайших доблестей. Общался он со многими бесчестными людьми, а в своей преданности притворялся наилучшим. Его к себе манил разврат, но подчас увлекали настойчивость и труд. Его обуревали пороки сладострастия; у него также было сильное стремление к воинским подвигам. И я думаю, что на земле никогда не было такого чудовища, сочетавшего в себе столь противоположные и различные и борющиеся друг с другом природные стремления и страсти» (Цицерон, *Против Катилины*, I, 26; II, 9; III, 16; В защиту Целия, 12 сл., пер. В. О. Горенштейна).

¹⁴ Кутаться в длинные роскошные одеяния яркой окраски считалось признаком изнеженности, нарушением исконно римского канона скромности, приличия, постыдным неуважением к историческим нормам. Лишь старики и уважаемые римлянки могли прятать руки и ноги в длинных одеяниях (подробнее об этом см.: [Кнабе, 1986]).

в ход пускать и подсыпать яды. Если они не покинут Рим, если они не погибнут, то – знайте это – даже в случае гибели самого Катилины в нашем государстве останется этот рассадник Катилин» (Cic., Ibid. V, 23). В том же ключе описывает причины, порождающие падение нравов среди римлян, Саллюстий. По его мнению, Катилину на преступление против республики подтолкнули ставшие типичными для римской общины пороки времени: «Побуждали его, кроме того, и испорченные нравы гражданской общины, страдавшие от двух наихудших противоположных зол: роскоши и алчности» (Sall., Cat. 5, 8). Само существование Рима оказалось под угрозой: Цицерону и Саллюстию вторит Гораций. В так называемых «Римских одах» (2-я ода, 3-я книга) он сокрушается по поводу того, что среди римской молодежи царят культ наслаждений, изнеженность и эгоизм, повсеместно наблюдается падение нравов, служение отечеству не в чести.

Что же остается радетелям старины? Практически все официальные авторы той поры, чьи труды только и дошли до нас, призывают возродить традиционную религиозность как нравственный фундамент римской жизни. Так, в 6-й оде Горация звучит суровое обращение к римскому народу, содержащее призыв к восстановлению авторитета богов и предостережение отступникам:

«Вины отцов безвинным ответчиком
Ты будешь, Рим, пока не восстановлены
Богов упавшие жилища
И изваяния в черном дыме» (Carm., III. VI).

Другим, не менее важным условием возрождения римского социума в идеологической программе Августа стал призыв к отказу от городской жизни с ее соблазнами и чуждым мировоззрением. Призыв к бегству в деревню, последний оплот исконных римских ценностей, звучит в произведениях практически всех официальных авторов эпохи принципата:

«Трижды блаженны – когда б они счастье свое сознавали! –
Жители сел. Сама, вдалеке от военных усобиц,
Им справедливо земля доставляет нетрудную пищу...
Золотом тканых одежд, эфирейской бронзы не жаждут;
Пусть их белая шерсть ассирийским не крашена ядом,
Пусть не портят они оливковых масел корицей, –
Верен зато их покой, их жизнь простая надежна»
[Вергилий, 1979, II, 458–467].

Точно так же своего читателя увещевает покинуть «жуткий Рим» Ювенал:

«Если от игр цирковых оторваться ты в силах, то можешь
В Соре купить целый дом, в Фабратерии, во Фрусиноне;
Цену отдашь, сколько стоит на год городская каморка.
Садик там есть, неглубокий колодец (не нужно веревки),
С легким духом польешь ты водой простые растенья;
Сельского друг жития, хозяйничай на огороде,
Где можешь пир задавать хоть для сотни пифагорейцев.
230 Что-нибудь значит – владеть самому хоть кусочком землицы. –
Где? – Да не все ли равно, хотя бы в любом захолустье».

Поэт приветствует своего друга, который предпочел сельскую идиллию жизни в «греческом Риме»:

«Правда, я огорчен отъездом старинного друга,
Но одобряю решение его – поселиться в пустынных
Кумах, еще одного гражданина даруя Сивилле».

Далее читаем:

«Трудолюбивая там молодежь, довольная малым;
Вера в богов и к отцам уваженье. Меж них Справедливость
Прочь с земли уходя, оставила след свой последний».

Однако вряд ли Август и его ближайшее окружение не понимали, что исход из Рима его лучших граждан в конце концов приведет к тому, что в столице останутся лишь разные деклассированные паразитические элементы, не способные ни работать, ни управлять страной, ни защищать ее от внешних и внутренних врагов. Какой бы тлетворной не была атмосфера в столице, согласно все той же идеологической доктрине Августа, Рим все равно остается средоточием всего лучшего в ойкумене. Центром Римского мира может быть только сам Рим. Поэтому, восхваляя деревню, Август и его доктринеры призывали римлян не столько переселяться в деревню, сколько, привнеся в город некоторые элементы сельской жизни, возродить патриархальный незатейливый Рим, каким он был на заре своего величия.

Обобщим. Заложенные еще при Катоне Цензоре аксиологические основы римского социума окончательно сформировались в эпоху Раннего принципата. Важную роль в смысловых и риторических конструкциях рассмотренного нами периода играл комплексный, собирательный образ врага, включавший в себя различные негативные коннотации. Формируя образы и стереотипы недруга, «архитекторы» массового сознания нарождающегося имперского Рима руководствовались древнейшим правилом – для выживания социальной группы в природной и социальной среде жиз-

ненно необходимо действовать по принципу «свой – чужой», «друг – враг» и т. д. Зигмунд Фрейд объяснял враждебность людей по отношению друг к другу «необходимостью разрушить другого человека, чтобы сохранить себя». Сотворение врага оказывается особенно актуальным в переходный период, так как является одним из действенных способов выхода социума из кризисного состояния и формирования новой идентичности. Яркий пример тому являет римская история заката Республики и Раннего принципата.

«Сотворение врага» было необходимо для того, чтобы переложить на него свою вину, свои пороки (падение нравов, дегуманизация, лень, абсентеизм, иррационализм), скрытые помыслы и неблагоприятные желания, оправдать ограбление провинций, ксенофобию и рецидивы агрессии по отношению к инородцам и иноверцам внутри империи (погромы евреев и жестокие казни христиан и пр.), экспансионистскую политику в отношении соседей.

При этом образ врага в римском коллективном сознании, безусловно, включал в себя не только объективную реальность, но и оценочные интерпретации, эмоциональные компоненты восприятия. Образ внешнего врага всегда помогал укреплению внутригрупповых связей и отношений, объединению всех членов римского социума для борьбы с внешней и внутренней угрозой. Враг при этом обычно ассоциировался либо с конкретной персоной (Ганнибал, Пирр, Югурта, Митридат, Зенобия), либо с племенем, этносом, нацией (галлы, германцы, евреи), государством (Македония, Парфия, Армения), религией (большинство восточных культов), общественным строем (восточная деспотия, кочевническая анархия) и пр. Враг внутренний, сокрытый, не менее опасен. В представлениях радетелей старины, борцов против пороков и роскоши, он хитер, многолик и трудно распознаваем. Коллективное сознание, как правило, его демонизировало, наделяя исключительно негативными, деструктивными качествами. При этом уже в глубокой древности враг мог персонифицироваться как с реальной угрозой, так и с вымышленным (мифологическим) образом, угрожающим самому существованию социальной общности.

Мифы содержат в себе самые разные значения, смыслы, способы воздействия на общество и на отдельного человека. Стержневой темой всех древних мифов было противостояние между различными хтоническими силами, олицетворяющими хаос и деструктивное начало, с одной стороны, и культурным героем, создателем или восстановителем космоса и мировой гармонии, с другой. Любой герой – это прежде всего спаситель, наделенный как в древности, так и в наше время определенным набором архетипических качеств. Поэтому в эпоху принципата практически все императоры в искусстве и литературе предстают спасителями, восстановителями космоса и мировой гармонии. Но, безусловно, более остальных на этом поприще преуспел Цезарь Август Октавиан. Он видел в искусстве силь-

нейший инструмент пропаганды и не жалел сил и средств, для того чтобы направить его в нужное русло, усилить силу его воздействия на массовое сознание. При нем римское искусство расцвело пышным цветом, обретя новое качество и содержание.

Список литературы

Бобровникова Т. А. Сципион Африканский: Картины жизни Рима эпохи Пунических войн. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2009.

Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М.: Худож. лит., 1979. 550 с. (Библиотека античной литературы).

Вергилий. Собр. соч. / Пер. С. Ошерова, под ред. Ф. Петровского. СПб.: Студия биографика, 1994.

Гиро П. Частная и общественная жизнь римлян. СПб.: Алетейя, 1995. 598 с.

Грабарь-Пассек М. Е. Катон // История римской литературы / Под ред. С. И. Соболевского, М. Е. Грабарь-Пассек, Ф. А. Петровского. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 1.

Доманина С. А. Многозначность понятия OTIUM в трудах римских авторов поздней республики // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 1–2. С. 56–59.

Ермакова С. О. Исторический центр Рима. М.: Вече, 2005. 240 с., илл. (Памятники всемирного наследия).

Записки Юлия Цезаря. Гай Саллюстий Крисп. Соч. / Пер. с лат., ст. и коммент. В. О. Горенштейна. М.: Ладомир; ООО «Фирма «Издательство АСТ»», 1999.

Квинт Гораций Флакк. Собр. соч. СПб.: Студия биографика, 1993.

Кнабе Г. С. Древний Рим – история и повседневность. Очерки. М.: Искусство, 1986.

Марк Туллий Цицерон. Речи: В 2 т. / Изд. подгот. В. О. Горенштейн, М. Е. Грабарь-Пассек; пер. В. О. Горенштейна. М.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. 1: 81–63 гг. до н. э.

Межеричкий Я. Ю. Iners otium // Быт и история в античности. М.: Наука, 1988. 272 с.

Назаретян А. П. Архетипы времени в традиционной культуре. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории (Синергетика – психология – прогнозирование). 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004. URL: <http://temnyjles.narod.ru/Nzrtn/Krizisy.htm#2-1>

Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. 2-е изд., испр. и доп. М.: Вост. лит., 1998. 800 с. (Исследования по фольклору и мифологии Востока).

Шифман И. Ш. Цезарь Август. Л.: Наука, 1990.

Эко У. Сотвори себе врага. И другие тексты по случаю / Пер. с итал. Я. Арькова, М. Визель, Е. Степанцова. М.: АСТ: Corpus, 2014.

Ювенал. Хрестоматия по античной литературе: В 2 т. М.: Просвещение, 1965. Т. 2: Римская литература.

Article metadata

Title: Mythological characters in the official ideological doctrine of Caesar Augustus. The image of the enemy in the Roman literature of the Principate.

Author: E. H. Margaryan

Author's e-mail: erv.margare@gmail; margar.erv@mail.ru

Author affiliation: Russian-Armenian (Slavonic) University, Institute of History NAS RA

Abstract: The image of the enemy in the official Roman system of values had many modalities. The internal enemy is always more harmful than the external one. The main internal enemies were strangers, foreigners who decomposed foundations of values of Roman society and the state. Particularly pernicious one consider eastern Hellenistic values, brought about from the periphery to the very heart of the empire and which are corrosive to the soul of nobility and naive youth. The main task of the first princeps and his inner circle was an opposition to pernicious influence of Hellenism and revival of Roman virtues.

Key terms: Principate, Roman literature, the creation of an enemy, external enemy, the enemy within, the corrupting influence of the Eastern values.

Reference literature (in transliteration):

Borovnikova T. A. Scipion Afrikanskii: Kartiny zhizni Rima epokhi Puniceskikh vojn. M., 2009.

Domanina S. A. Mnogoznachnost' ponyatia OTIUM v trudakh rimskikh avtorov pozdnei respubliki // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo, № 1–2.

Eco U. Сотвори себе врага. I drugie teksty po sluchayu. M., 2014.

Freidenberg O. M. Mif i literatura drevnosti. M., 1998

Guiraud P. Chastnaya i obschestvennaya zhizn' rimlyan. SPb., 1995.

Grabar'-Passek M. E. Katon / Istoria rimskoi literatury. Pod red. S. I. So-bolevskogo, M. E. Grabar'-Passek, F. A. Petrovskogo. M., 1959. T. 1.

Nazaretyan A. P. Arkhetipy vrevni v tradicionnoi kul'ture. Civivli-zacionnye krizisy v konterste Universal'noy istorii (Sinergetika – psikhologia – prognozirovanie). M., 2004.

Shifman I. Sh. Cezar' Avgust. Leningrad, 1990.

Vergilius. Bukoliki. Georgiki. Eneida. (Seria «Biblioteka antichnoy literature»). M., Khudozhestvennaya literatura, 1979.

Vergilius. Sobranie sochinenii. Perevod c lat. S Osherova. СПб., 1994.

Yermakov S. O. Istoricheskii centr Rima. M., 2005.

Yuvenal. Khrestomatia po antichnoy literature. V 2 tomakh. Dlya vysshikh uchebnykhzavedenii. Tom 2. Rimskaya literatura. M., 1965.

Zapiski Yulia Cezarya. Gay Sallustii Krisp. Sochinenia. Perevod c lat., stat' a I kommentarii V. O. Gorshtein. M., 1999.

Knabe G. S. Drevnii Rim – istoria i povselnevnost'. Jcherri. M., 1986.

Quintus Horatius Flaccus. Sobranie sochinenii. SPb., 1993.

Marcus Tullius Cicero. Rechi v dvukh njmakh. Perevod c lat. V. O. Gorshteina. Tom I (81–63 гг. до н. э.). V. O. Gorshtein, M. E. Grabar'-Passek. M., 1962.

Mezherickii Ya. Yu. INERS OTIUM. / Byt i istoria v antichnosti. M., 1988.